

ЧАСТЬ I

КОНСТРУИРУЯ ГЕНДЕРНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

Конструирование пола и сексуальностей¹

Сара Л. Кроули, Кендал Л. Броуд

Сексуальная активность двух мужчин (один из которых среди индейцев Западных равнин определяется как бердаш) физически ничем не отличается от сексуальной активности двух мужчин в Древней Греции или в современном западном обществе; но значение, приписываемое этому поведению, и его функции для общества в этих случаях настолько несравнимы, что рассматривать их как один феномен, кроме как на самом поверхностном уровне, значит отрицать всё, что нам известно о социальном анализе.

– Джон Ганьон и Уильям Саймон (1973/2005, p. 4-5)

Сексуальность – это не телесный факт; это культурное явление. Сексуальность, таким образом, имеет историю – хотя и не слишком длинную.

– Дэвид Гальперин (1993, p. 416)

© The Guilford Press, 2008

Перевод Марии Дмитриевой выполнен по изданию: Sara L. Crawley, K. L. Broad «The Construction of Sex and Sexualities», in *Handbook of Constructionist Research*, J.A. Holstein & J.F. Gubrium, eds. (New York, The Guilford Press, 2008), pp.545-566.

Научная редакция перевода Дмитрия Воронцова.

Редакция благодарит Сару Л. Кроули, Кендал Л. Броуд за разрешение опубликовать эту статью в журнале *Гендерные исследования*.

Рассматривая секс как социальное явление, мы неизбежно приходим к размышлению о том, какие правила должны организовывать сексуальность; вместо того, чтобы просто ссылаться на природу или религию, мы вынуждены искать аргументы для защиты этих правил.

– Стивен Сейдман (2003, pp. 137-138)

Каждое исследование «девиантной» группы неизбежно является исследованием и группы доминантной. Так же обстоит дело и с развитием исследований онтологий, представителей, сообществ лесбиянок/ геев/ бисексуалов/ трансгендерных лиц (ЛГБТ), а также их социальных и политических движений. Как и в случае многочисленных исследований «иных», изучение геев и лесбиянок в качестве «девиантов» переросло в более широкое теоретическое обсуждение концепции «девиантности» (Irvine, 2003), сосредоточенное вокруг куда более социологического вопроса: откуда и как происходит гетеронормативность? Такое рассмотрение сексуальных онтологий и практик стало возможным благодаря социальному конструкционизму в самых разнообразных его формах – символический интеракционизм, феминистская теория, квир-теория – и в рамках многих дисциплин. В этой главе* дается обзор ключевых для социально-конструктивистских исследований ЛГБТ-сексуальностей¹ текстов, которые были опубликованы за последние сорок лет, а также рассматриваются некоторые важные работы, не связывавшиеся ранее с социальным конструктивизмом, и описываются возможные направления будущих междисциплинарных исследований.

Одной из целей этой главы является попытка связать между собой исследования в таких областях знания, которые в академической практике часто обсуждаются как отдельные миры. Поскольку социологию относят к социальным наукам, а женские исследования и квир-исследования часто относят скорее к гуманитарным, этот ложный дуализм в науке препятствует учёным ознакомиться с работами, которые могли бы взаимно обогатить эти области (Plummer, 2003, 2005). Мы обе получили образование как социологи и как специалисты в области женских исследований, и обе ощутили такое разделение. По нашему мнению, символический интеракционизм уделяет внимание местному и частному (Gubrium & Holstein, 1997; Plummer, 2003); многие формы феминистской мысли – включая, как минимум, теоретические разработки «чёрной» и латиноамериканской феминистской теории, феминистский позиционизм (feminist standpoint), а также теории постколониального феминизма – предусматривают проговаривание многообразия жизней женщин (и мужчин); в свою очередь, (пост)структуралистские квир-теоретики питают неприязнь к большой теории

* Публикуемый текст – 28 глава учебного пособия *Handbook of Constructionist Research* под редакцией J.A. Holstein & J.F. Gubrium.

и нормализации, являющейся следствием институциональных категорий. Таким образом, в этих подходах есть много общего (Plummer, 2003). Мы надеемся обнаружить связь сначала между ранними конструкционистскими социологическими исследованиями сексуальности и аргументами феминисток второй волны, а затем и с квир-теорией, признавая важность всех трёх традиций и потенциал каждой из них обогащать другие.

Как и многие другие *area studies*, исследования сексуальности породили изобилие работ, документирующих разнообразие мест и областей, в которых разворачиваются и наблюдаются взаимодействия и проявления сексуальностей, идентичностей, практик, политик, отношений и сообществ. Таким образом, второй целью этой главы является «картографирование» областей анализа, в которых конструкционисты изучают сексуальности – в частности, мы обсуждаем «Я», субъектность и идентичность; социологические исследования; а также развитие и политику социальных движений. В этой главе мы надеемся побудить студентов к рассмотрению сексуальностей отдельно, а не в контексте какой-либо всеохватывающей схемы. «Сексуальности» – это общий предмет исследований, а не конкретная наука, и даже теоретики сексуальностей придерживаются разных подходов и ставят разные теоретические вопросы. Здесь мы хотели показать, насколько многообразны теоретические вопросы, изучаемые теоретиками сексуальностей, и на каких уровнях эти вопросы могут рассматриваться.

Третья и последняя цель – обсудить возможные направления для дальнейшего развития теорий о сексуальностях. Учитывая широкое влияние квир-теории и глубокое укоренение конструкционистских подходов к изучению сексуальностей за прошедшие 30 лет, мы ставим вопрос: куда нам двигаться дальше? Студентам часто кажется, что все хорошие теории уже были созданы. Мы полагаем, что такое чувство было широко распространено в любую эпоху истории науки, так что стоит обратиться к тем темам, которым раньше уделялось недостаточно внимания или которые просто игнорировались. В завершение мы попытаемся очертить некоторые из таких направлений, напоминая нашим читателям, что уже было предложено другими и, предлагая несколько свежих, как мы надеемся, идей.

Развитие конструкционистских исследований сексуальностей

Если следовать сложившемуся в гуманитарных науках канону, то создаётся впечатление, что все постструктуралистские исследования сексуальностей начались с Мишеля Фуко, и что до Джудит Батлер никто не писал о перформативных аспектах гендера (в теориях и проблемах, разрабатываемых этими авторами, исследователи сексуальностей находят много общего). Оба эти предположения неверны (Epstein, 1996; Rubin & Butler, 1994; Simon & Gagnon, 2003; Weeks,

1998). За целое десятилетие до того, как Первая часть *Истории сексуальности* Фуко (Foucault, 1978) дошла до Соединённых Штатов в английском переводе, несколько учёных-конструкционистов (Gagnon & Simon, 1973/2005; Humphreys, 1970; Katz, 1976; McIntosh, 1968; Newton, 1972; Weeks, 1977, 2003), работающих в области социологии, антропологии и истории, уже предлагали теории о влиянии систем значения в сфере сексуальности и документировали жизнь людей ЛГБТ (Seidman, 2003). Похожим образом в области гендерных исследований задолго до канонизированной работы Батлер *Гендерная тревога* (Butler, 1990) многие, в том числе Гарольд Гарфинкель (Garfinkel, 1967), Эрвинг Гофман (Goffman, 1976, 1977), Сюзанна Джей Кесслер и Венди Маккена (Kessler and McKenna, 1978), Спенсер Кахилл (Cahill, 1986, 1989), а также Кэндес Уэст и Дон Зиммерман (West, Zimmerman, 1987), предлагали использование перформативных подходов к исследованию гендерно определённых тел. Именно об этом пишет Джеффри Уикс (Weeks, 1998):

Тем из нас, кто возделывал этот виноградник с конца 1960-х годов, грустно видеть, как наши ранние усилия в понимании сексуальности вообще, и гомосексуальности в частности, преломились и вернулись обратно к нам сквозь призму постфукианских абстракций (и я это говорю как человек, на которого глубоко повлияли работы Фуко), а затем были продолжены – так, будто идеи эти были сформулированы только сейчас. (p. 132)

Мы не ставим целью умалить роль работ Фуко или Батлер. Понятно, что каждая из них оказала глубокое воздействие на соответствующие области. По сути, мы стремимся воссоздать для наших студентов более продолжительную историю изучения сексуальностей. Сначала мы кратко изложим то, что можно назвать каноном квир-теории, а затем более детально рассмотрим некоторые ранние разработки, которые, на наш взгляд, способствовали изучению этой области, получив при этом меньшее признание, чем они того заслуживают.

Квир-канон

Создание квир-канона обычно приписывается относительно небольшой группе авторов, которые стали широко известны в начале 1990-х,² а именно Мишелю Фуко, Джудит Батлер, Ив Кософски Сэдживик, и отчасти Дэвиду Гальперину. Что странно, ни один из этих авторов не даёт конкретного определения квир-теории (хотя, учитывая отвращение квир-теоретиков к определённости и границам, это, пожалуй, и неудивительно), и каждый из этих авторов выдвигает определённые аргументы, между которыми нет чёткой взаимосвязи. Здесь мы хотим описать четыре общие характеристики того, что обычно называется

квир-теорией, с учётом работ несколько более широкого круга авторов, чем те, с чьими именами зачастую связывают её происхождение. Во-первых, власть – это не физический контроль над другими, который позволяет навязывать свою волю (как в армиях для подавления нижестоящих по званию), а, скорее, *власть как внедрение дискурса (идей)*, что создаёт возможность *субъектностей*. Власть контролировать людей покоится в господствующих идеологиях (дискурсах), которые создают представление о реальности социальных позиций (субъектностей – таких как мужчина, женщина, лесбиянка, мать), которые каждый из нас принимает, уступая действию господствующей идеологии в любой исторический период (Foucault, 1978, 1980). В *Истории сексуальности, Часть I* (1978) и *Власть / Знание* (1980) Фуко излагает свою концепцию: власть понимается не просто как репрессивная *власть над* другим (как марксистская модель вертикальной иерархии сверху вниз), но как изменчивый вихрь дискурсов, мощь убеждения которых и воздействует на население. Таким образом, правители правят не посредством угроз физического насилия, но посредством насаждения убедительных идей, которые господствуют над народными массами.³ (Гетеро-)сексуальность – это просто ещё один из господствующих дискурсов (Foucault, 1978). В *Истории сексуальности, Часть I* Фуко выдвигает аргументы как против фрейдистских идей о подавленных естественных побуждениях, так и против марксистского понятия правящего класса. Утверждая, что сексуальность не подавляется, но, наоборот, производит много-много новых идентичностей, включая такие как «гей» и «лесбиянка», Фуко отмежевывается от предшествующей детерминистской традиции неофрейдистов и отстаивает однозначно исторически конструкционистскую модель. В книге *Надзирать и наказывать* (1977) Фуко отмечает, что такое насаждение дискурса ведётся путём социального надзора. Действовать определённым образом нас заставляет не какая-то полиция, а, фактически, надзор друг за другом в процессе обычной жизни, который поощряет нас к поведению, соответствующему правящим дискурсам. Важно отметить: будучи подвержен такому постоянному и непрекращающемуся надзору, каждый из нас начинает вести нормативный надзор над самим собой. Мы становимся собственными тюремщиками, в том смысле, что начинаем «неловко себя чувствовать», если мы знаем, что нарушаем социальные законы (например, табу на эротические поцелуи с человеком одного с нами пола).⁴

Второй вопрос, имеющий отношение к рассмотренному выше первому, – это то, что *сексуальность всегда практикуется в конкретном культурном контексте* (т.е., она не является врождённой) и *должна интерпретироваться через исторический и культурный контекст* (Foucault, 1978; Halperin, 1993; Laqueur, 1990; Monro & Warren, 2004; Patron, 1993; Rubin, 1993; Rust, 1995; Schwartz & Rutter, 1998; Scott, Stone, 1991; Weeks, 1977). Это ведёт к аргументам в антропологическом стиле (которые сходны с воззрениями теоретиков «чёрного» феминизма и основами постколониальной феминистской мысли), что все

сексуальные общества следует изучать в их собственном контексте, а не сквозь призму современных западных гетеронормативных идеалов. Дэвид Гальперин в статье «Существует ли история сексуальности?» (1993) убедительно показывает, что в классических Афинах не было понятия сексуальной ориентации; скорее, сексуальность была организована вокруг гражданства (которое могли получить лишь взрослые мужчины-землевладельцы) и власти граждан проявлять свою волю в отношении не-граждан (мужского или женского пола). Именно гражданство, а не «естественные» побуждения или биологический пол, определяло, кто может заниматься сексом, с кем и каким образом. Более того, Джоан Скотт (Scott, 1993) призывает к историзации всего опыта в том смысле, что его нельзя воспринимать вне более длительного исторического анализа господствующих дискурсов. Таким образом, в качестве доказательства некоей истины сами по себе здравый смысл или личный опыт транс-исторически принимать нельзя.

В-третьих, на данный исторический момент *сексуальность и вся современная социальная жизнь определяется бинарным противопоставлением гетеросексуальности и гомосексуальности* – контролирующим механизмом, который предписывает всем людям поощрять участие в гетеронормативной структуре власти (Best, 2000; Ingraham, 1999; Sedgwick, 1990). Как утверждает Сэджвик (Sedgwick, 1990), по меньшей мере, с конца девятнадцатого века именно опасение показаться развратным гомосексуалом (так называемый «чулан») заставляло большинство людей, считающих себя гетеросексуалами, отказываться от проявления на публике даже самых скромных признаков внимания к лицам своего пола. Таким образом, она рассматривает бинарное противопоставление гетеро/гомо как господствующую силу в жизни любого члена западной культуры. Многие в квир-теории способствуют пересмотру бинарных онтологических категорий, привычных для западного способа мышления и понимания мира – природы, социальных категорий, систем значений – как составленных из ложно связанных между собой категорий, которые создают впечатление чёткости и постоянства там, где их «по природе» не существует.

В-четвертых, постоянство *гендерной перформативности приводит к вере в обособленные биологические категории пола*, а не наоборот (Butler, 1990, 1993, 1996; West and Zimmerman, 1987). Другими словами, традиционная идея о том, что причиной гендерно-специфичного поведения является биологический пол, верна с точностью до наоборот. Постоянный дуалистический гендерный перформанс тела создаёт иллюзию того, что маскулинность и феминность, так же как и четко определенные категории биологического пола являются реальными. Более того, Батлер полагает, что гендер воспринимается как «естественный», поскольку его постоянно практикуют посредством перформативности. Таким образом, вера в бинарный биологический пол – следствие перформативности, а не её предпосылка.⁵ Тома Лакер (Thomas Lacqueur, 1990) поддерживает эту точку зрения, выдвигая предположение, что в разные исторические периоды тела

понимались по-разному: в некоторые эпохи – как одинаковые, но вывернутые; в другие – как два разных существа. Более того, он пишет: «пол, как мы его знаем, был изобретён где-то в восемнадцатом столетии» (р. 149).

Следуя понятию власти по Фуко, Батлер (Butler 1993, 1996) отмечает, что, если гендерный перформанс применять нетрадиционными способами, он может быть источником мощного сопротивления. Чтобы противостоять тесным рамкам гетеронормативности, человек может «играть» гендер узнаваемым способом, который просто выходит за рамки бинарных предписаний мужчина = маскулинность и женщина = феминность. Таким образом, лесбиянки-буч, демонстрирующие маскулинность (Crawley, 2002; Halberstam, 1998), и пары буч/фам, которые держатся за руки на людях (Case, 1989), являются примерами подрыва гетеронормативности.

Популярность работы Батлер указывает на значительное пересечение квир-теории и теорий сексуальностей с феминистскими теориями гендера. Для полноты изложения мы рассматриваем вкратце эти теории здесь, хотя более полный их анализ сделан Дж. Лорбер в 27 главе этой книги. Мы хотим обозначить, как минимум, две основные тенденции в теории гендера, которые пересекаются с работами по сексуальностям – феминистскую критику гендерной определённости тела в медицинской литературе и более раннюю традицию феминистских гендерных теорий, предшествовавших книге Батлер, но с похожим влиянием на теории сексуальностей.

Биолог по образованию, Энн Фаусто-Стерлинг (Fausto-Sterling, 1986, 1995, 2000) ставит под вопрос общераспространённое небрежное допущение биологов о том, что в любом конкретном случае биология предшествует социальным влияниям на тело. Опираясь на пример китайской практики бинтования ног, Фаусто-Стерлинг отмечает, что физиологическая разница вполне может быть придана органическому телу внешним влиянием. В книге *Придавая телу пол* (Fausto-Sterling, 2000) она приводит теории, в которых совместное действие природных и социальных факторов учитывается гораздо более подробно и основательно, чем где бы то ни было еще. Другие исследователи предлагали контент-анализ исторических текстов и современных работ по биологии, подвергая их критике за сексистские и расистские толкования тела (Myerson et al, 2007; Schiebinger, 1993), а также контент-анализ медицинских текстов и критику описания интерсексуальных младенцев как нуждающихся в хирургическом вмешательстве для придания их гениталиям нормативных форм (Kessler, 1998).

Хотя феминистские теоретики гендера склонны считать Батлер своим модным кумиром, в рамках социологии сходную теорию возникновения гендера начали разрабатывать раньше Батлер, в основном с помощью этнометодологии. В 1978 году Сюзанна Кесслер и Венди Маккенна опубликовали работу *Гендер: этнометодологический подход* (Kessler, McKenna, 1978), в которой показали, что гендер – это способ исполнения социальных ролей, который создается

индивидом и с которым соглашаются другие люди, включаясь в социальное взаимодействие. Эти авторы взяли за образец исследование Гарфинкелем случая М-Ж транссексуала Агнес, у которой исполнение феминной модели поведения не определялось никакими анатомическими особенностями данного ей по рождению мужского тела. В конце 1980-х над перформативными теориями гендера работали несколько авторов (Cahill, 1986, 1989; West & Zimmerman, 1987). Спенсер Кахилл опубликовал пару статей, в которых описывалось обретение гендера путём вовлечения в социализацию (*socialization recruitment*), языковых практик и управления внешностью. В 1987 году Кендес Уэст и Дон Зиммерман опубликовали работу *Делание гендера* (West, Zimmerman, 1987), в которой они не только воспроизводят этнометодологический вызов «естественному подходу» к гендеру как биологическому понятию, но и опережают Батлер, опровергая ошибочную идею о фиксированности биологического пола и вводя концепцию «половой категории»: социальной реализации веры в конечные дуалистические типы тела и их перформанса.

Мы ссылаемся на эти работы, чтобы показать, что квир-теория, теории сексуальностей и гендерная теория имеют долгую и широкую традицию, которая часто страдает от политики отношений между дисциплинами. Как и в случае с «квир-теорией», которая, судя по названию, должна была бы сводиться к единообразной и чётко очерченной группе идей, феминистскую гендерную теорию и теорию сексуальностей точнее можно описать как длительные и сложные теоретические традиции.

История исследований сексуальностей: ранние конструкционистские работы

Задолго до того, как в 1980-е годы в английском переводе появились работы Фуко и до того, как книги Батлер получили широкую известность в 1990-х, сходные идеи можно было найти в ранних исследованиях сексуальностей. Гейл Рубин (Rubin, 2002) приводит документальные доказательства того, что так называемая Чикагская школа социологов, уделяющая внимание городской этнографии, является предшественницей современной социологии сексуальностей. Как утверждает Рубин, в первой половине 20-го столетия процветающие в Университете Чикаго прагматизм и символический интеракционизм заложили основу для того, чтобы считать сексуальные сообщества достойными этнографического исследования. Более того, Рубин упоминает публикацию Томаса 1907 года *Пол и общество: Исследования социальной психологии пола* (Thomas, 1907) как первую попытку концептуализации пола в качестве потенциальной области социальных исследований. Так что дорогу для новой эры теоретиков-конструкционистов проторили идеи, исходящие от Чикагской школы, а не господствовавшие в то

время эссенциалистские представления психологов (Зигмунд Фрейд) и сексологов (Хейвлок Эллис, Рихард фон Крафт-Эббинг).

Учёные-конструкционисты середины века заложили непосредственный фундамент первых признанных конструкционистских исследований сексуальностей. Знаменитое этнометодологическое исследование М-Ж транссексуала Агнес, проведённое Гарфинкелем (Garfinkel, 1967), и работы Гоффмана (Goffman, 1959, 1963a, 1963b) по перформансу и формированию «Я» в процессе повседневного общения обеспечили теоретические предпосылки для исследований сексуальной идентичности. К тому же появление социологических исследований девиантности и, как следствие, конструкционистского исследования социальных проблем, испытывавшего значительное влияние со стороны учеников Говарда Беккера (Howard Becker, 1963), сделало возможным изучение пола и сексуальности как конструкций.

Сегодня мы часто рассматриваем возникновение конструкционистского понимания пола и сексуальности как историю происхождения исследований сексуальностей, и эту историю часто рассказывают, перечисляя основополагающие работы (Kitzinger, 1995; Nardi & Schneider, 1998; Plummer, 2003; Seidman, 2003). Согласно этим описаниям, определяющие оригинальные работы конструкционистской социальной теории сексуальностей появились в конце 1960-х и в 1970-х, в их числе: короткая, но ёмкая и очень новаторская статья Мэри Макинтош «Гомосексуальная роль» (McIntosh, 1968), широкий конструкционистский подход Джона Ганьона и Уильяма Саймона к сексуальным взаимодействиям в *Сексуальном поведении* (Gagnon & Simon, 1973/2005) и исследование гомосексуальности Кеннета Пламметса (Kenneth Plummets, 1975) *Сексуальная стигма*.⁶

Почти совсем забытую в большинстве областей социальной теории статью Макинтош (McIntosh, 1968) следует воспринимать как поворотную точку в концептуализации сексуальности (Weeks, 1998). Хотя другие и отмечали важность работы Макинтош (Greenberg, 1988; Nardi & Schneider, 1998), Дж. Уикс (Weeks, 1998) активно отстаивает точку зрения на то, что именно Макинтош, а не Фуко, должна быть признана «основательницей подходов, которые приписывают возникновение категории гомосексуальности в 19-ом веке именно медикализации» (р. 139). Уикс утверждает, что основной целью Макинтош было возразить сексологам, психологам и даже превалирующей политической мысли ассимиляционистских «гомофильных» политических движений того времени, которые исходили из того, что гомосексуальность – фиксированный и неизменный набор характеристик сознания и тела. Собственно говоря, в этой работе Макинтош, как и Фуко, но задолго до него, интерпретирует сексуальность как сущность историческую, социологическую и, что важно отметить, политическую.

В наши дни в качестве основополагающей для конструкционистских теорий сексуальностей (Plummer, 2005b; Seidman, 2003) также часто упоминают работу Ганьона и Саймона (Gagnon & Simon, 1973/2005) по сексуальным

сценариям. В рамках открытой полемики с мыслителями, которые отстаивали подходы биологического детерминизма (Альфред Кинси и его соавторы (Kinsey, Pomeroy, & Martin, 1948; Kinsey, Pomeroy, Martin, & Gebhard, 1953), Фрейд, Уильям Мастерс и Вирджиния Джонсон (W. Masters & V. Johnson 1966)), Ганьон и Саймон в *Сексуальном поведении* (1973) выдвигали важный аргумент о том, что пол существует в форме сценария (*scripted*). Как поясняет Стивен Сейдман (Seidman 2003, p. 26), применив идею социальных сценариев к сексуальности, Ганьон и Саймон представили понимание сексуальности не как механики тела, а как форм поведения, которые человек осваивает в рамках социума, со своими социальными значениями – понятиями уместности и табу.

Примерно в то же время Кен Пламмер (Plummer, 1975) работал над подобными идеями, хотя и с акцентом на конкретных социологических исследованиях гомосексуальности. Так же, как Ганьон и Саймон, Пламмер продвигал однозначно социальную перспективу сексуальности, бросая вызов биологическим и психопатологическим объяснениям гомосексуальности (Plummer, 2003; Seidman, 2003). Соединяя точку зрения символического интеракциониста, интерпретации ранних конструкционистских работ и конкретные социологические исследования жизни геев, Пламмер выработал то, что мы сейчас понимаем как раннюю конструкционистскую формулировку гомосексуальности. По собственному признанию, в *Сексуальной стигме* Пламмер (Plummer 2003, p. 518) очертил некоторые центральные конструкционистские идеи:

Была критика эссенциализма и язык извращения; важность языка и оспариваемых сексуальных значений; смысл «сконструированной» природы человеческих сексуальностей; осознание значительности разнообразия в сексуальной жизни; и растущая чувствительность к роли метафоры в размышлениях об эротическом.

Поскольку все эти работы бросали вызов превалирующим биологическим и медиализированным воззрениям о естественности гетеронормативности и протиестественности влечения к своему полу, дебаты между эссенциализмом и конструктивизмом определяли поле исследований сексуальности, особенно в 1980-х и 1990-х (Nardi & Schneider, 1998, p. 4). Доказывая существование некоего врождённого человеческого компонента сексуальности (который обычно мыслится как гетеронормативная связь с воспроизводством), эссенциалисты полагались на чувство пола и сексуальности как на нечто естественное. Социальные конструкционисты, такие как Макинтош, Ганьон, Саймон и Пламмер, предложили диаметрально противоположную позицию, в соответствии с которой сексуальность присуща не телу, а социальным правилам культуры или структуры общества. Питер Нарди и Бет Шнайдер (Nardi & Schneider, 1998) описывают спор между конструкционизмом и эссенциализмом, приводя в качестве примера классической конструкционистской точки зрения работу Маки-

нотос (McIntosh's, 1968), а ответ Фредерика Уитэма (Whitam, 1998) трактуют в эссенциалистском ключе. В своем ответе Уитэм выступает против принятия гомосексуальности как «роли» и вместо этого выдвигает предположение, что это «ориентация», подкрепляя свою точку зрения примерами молодых мужчин, которые принимали участие в гомосексуальных практиках, но при этом не испытывали никакого влияния со стороны гей-субкультуры вообще, или же это влияние было незначительным. Возражение Уитэма идеям Макинтош основано на представлении, что базовая ориентация ведёт к определённому поведению до установления какой-либо роли или субкультуры. Эти две работы иллюстрируют, как исследователи сексуальностей (даже в пределах социологии) изначально конструировали полярно противоположные понимания сексуальности.

Позднее Стивен Эпштейн и Кэрол Вэнс детально и в нюансах описали развитие спора между эссенциализмом и конструкционизмом (Nardi & Schneider, 1998). Эпштейн (Epstein, 1987/1998) показывает, как академические круги склонны принимать конструкционистскую точку зрения, в то время как движение геев в США изображает себя скорее в духе эссенциалистов (р. 135). В конечном счёте, он предлагает подход к пониманию этнической (в оригинальном тексте должно быть опечатка, поскольку по контексту речь идет о *сексуальной*. – Прим. ред.) идентичности, исходя из модифицированной конструкционистской позиции, поскольку, как он утверждает: «Ни строгий конструкционизм, ни строгий эссенциализм не способны объяснить, что значит быть геем» (1987/1998, р. 151). Вэнс (Vance, 1998) отмечает частое недопонимание конструкционистской позиции, когда многие полагают, будто бы если утверждается, что сексуальности конструируются, то это означает, что идентичности геев и/или лесбиянок не являются реальными или значимыми. Она уточняет, что сексуальная идентичность вполне реальна для тех, кто с ней живёт. Вместо того чтобы тяготиться неверным толкованием конструкционизма, Вэнс отстаивает более глубокое понимание не только отличий между конструкционистами, работающими в рамках разных дисциплин (например, социологии и антропологии), но и того, что может быть сконструировано (сексуальные акты, сексуальные желания или сексуальные идентичности).

По сути, как Эпштейн (Epstein, 1987/1998), так и Вэнс (Vance, 1998) призывают читателей перестать мыслить в рамках упрощённой бинарной оппозиции эссенциализма и конструкционизма, именно по предложенному в их работах направлению и развивались конструкционистские исследования сексуальностей в последнее десятилетие. Силия Кизингер (Kitzinger, 1995, р. 136) полагает, что упомянутая дискуссия продолжалась в 1990-х, так и не придя к логическому завершению. Автор пишет:

Эта дискуссия более не вызывает тех страстей, которые вызывала тогда – не потому, что одна теория завоевала первенство, а, скорее, потому что противники, очевидно, устали от спора, да и

сама дискуссия стала рассматриваться как препятствие на пути развития каждой парадигмы.

И, наконец, последний массив работ, важных для истории появления конструкционистских исследований сексуальности – это этнография и история лесбиянок, геев, бисексуалов и/или трансгендерных людей. Некоторые этнографические работы, опирающиеся на эмпирические исследования существующих сообществ с целью опровержения эссенциалистских аргументов, в значительной мере способствовали приходу квир-теории (Green, 2002). При описании истории исследований сексуальности постоянно упоминают две из этих работ: это *Клиенты «чайной» (Tearoom Trade*)* Лода Хамфри (Humphrey, 1970) и *«Мамашки»: мужчины, изображающие женщин (Mother Camp**7: Female Impersonators in America)* Эстер Ньютон (Newton, 1972). Хамфри исследовал поведение мужчин (часто женатых и определяющих себя как гетеросексуальных), которые целенаправленно искали возможности для безличного секса с другими мужчинами и практиковали его в общественных туалетах. Хотя эту работу и критикуют в мейнстримной социологии за возможное нарушение определённых этических границ, её вклад в конструкционистский подход обычно преподносят в лучшем свете (Irvine, 2003b; Nardi, 1995). Исследование Хамфри появилось в рамках растущей традиции интерпретивистских работ, в которой простое определение гомосексуальной ориентации усложнялось, и в нем делался акцент на том, как социально поддерживаются и определяются категории сексуальности и стигмы, включая то, как на социальные практики влияют контекст или «география» (условия города или пригорода). Подобным образом, в проведённом Ньютон этнографическом исследовании мужчин-геев и культуры дрег*** показано, как конструируются и поддерживаются сексуальная и гендерная идентичности. Стоит заметить, что в этой работе Ньютон детально описывает этапы, через которые проходит мужчина-гей, чтобы имитировать женщину. Она предлагает новое понимание гендера в мире геев и помогает денатурализовать гендер, а также пол (Irvine, 2003b, p. 448).

* На сленге американских геев середины 20 в. чайной – tearoom – назывался общественный туалет, в котором происходил «съём» случайных сексуальных партнеров – «клиентов» (*trade*) – примечание редактора.

** Как отмечает сама автор в Предисловии к своей книге, camp на сленге американских геев 60-70-х гг. означает виртуозных подражателей женской манере поведения, которые выступали на публичных геевских вечеринках (в российской геевской субкультуре их называют «травести», «травести-шоу», «трансхуи»). «Мамашами» (*mother*) называли себя сами подражатели, выступающие на сцене, обращаясь к своей геевской аудитории, например, с такими словами: «Ваша мамочка вам сейчас все разъяснит!» – примечание редактора.

*** Drag (англ), вычурный способ одеваться и вести себя, утрированно феминный для мужчин и подчеркнута маскулинный для женщин – примечание переводчика.

Подобным образом, потенциал конструкционистских теорий сексуальностей также часто иллюстрируют исторические исследования (Seidman, 2003), например, такие ключевые работы: Weeks (1977), Jonathan Ned Katz (1976), Carroll Smith-Rosenberg (1975), и Lillian Faderman (1981). Как поясняет Сейдман (Seidman, 2003), оба, и Уикс, и Кац, описывают многочисленные и меняющиеся значения, которые приписывались мужской гомосексуальности в Британии и Соединённых Штатах, соответственно, на протяжении более 200 лет. Как Смит-Розенберг, так и Фадерман похожим образом понимают то, как исторически менялась сексуальность, хотя делают упор на опыте женщин, документируя существование романтической дружбы (интимные отношения, которые не скрывались и считались чем-то наподобие брака) между женщинами в Америке девятнадцатого века.

Здесь мы лишь вкратце описали обычное изложение истории развития исследований сексуальностей. Несомненно, эта картина неполна. Обращаясь к ключевым основополагающим работам, к значению спора эссенциализма и конструкционизма, этнографическим исследованиям и историям, ученые выявляли, как в пределах области исследований сексуальности из междисциплинарных, качественных исследований возникают конструкционистские идеи и как они осмысляются через символическое интеракционистское понимание конструкционизма (Irvine, 2003b; Kitzinger, 1995; Nardi & Schneider, 1998; Plummer, 2003; Seidman, 2003).

Радикально-феминистское конструирование сексуальности

Развиваясь в тот же исторический период, что и социологическое конструкционистское изучение сексуальностей, радикальный феминизм, иногда называемый сепаратистским, произошёл от многих дисциплин и предшествовал квир-теории, поставив под вопрос естественность как гетеросексуальных ролей в отношениях, так имплицитного разделения труда между ними и дисбаланса сексуальной власти. Хотя работы по квир-теории Ив Кософски Седжвик (учёной из Британии) и Джудит Батлер (американской исследовательницы в области риторики и сравнительной литературы) в наши дни обычно используются феминистками, мы склонны считать, что появлению этих важных работ способствовали определённые традиции в русле феминизма, особенно радикального, или сепаратистского, и мы хотим восстановить эту цепочку.

Несмотря на то, что этот вид феминизма называют лесбийским даже его сторонницы, мы предпочитаем термин «радикальный» или «сепаратистский» феминизм, поскольку эти термины признают глубоко конструкционистское понятие «лесбийство», предполагаемое теорией. Для радикального феминизма лесбийство было даже не столько сексуальной идентичностью, сколько по-

литической позицией, выразившейся в отказе иметь дело с патриархатом и, более конкретно, с патриархатным мужчиной (Kitzinger, 1987). Развившись из лозунга второй волны феминизма «Личное – это политическое», радикальный феминизм сосредоточился на критике неравенства гетеронормативных властных отличий, встроенных в интимные отношения между женщинами и мужчинами. Критикуя понятие, в соответствии с которым женщины и мужчины имеют «естественные» роли в мире, основанные на ожидаемой разнице между полами, радикальный феминизм сосредоточился в основном на отношениях власти, которые происходили из организации сексуальности, по которым для каждой пары ожидалось, что мужчина должен быть как минимум на два дюйма выше, на два года старше, сильнее (а именно, должен быть в состоянии её поднять, как при переносе невесты через порог), и более богатым, чем женщина. Радикальные феминистки видят эту конструкцию как знак патриархата, где предназначение мужчин – доминировать над женщинами: сексуально, финансово, физически и эмоционально, вначале в интимных отношениях и, в конце концов, во всех областях социальной жизни. Возможно, опережая квир-теорию, радикальные феминистки видели данное соглашение как факт социальный, а не естественный, который можно полностью изменить сдвигом в сознании.

Наиболее радикальная позиция радикальных феминисток призывает сепаратистских или «лесбийских» феминисток *отделиться* от мужчин – эмоционально, финансово и сексуально (Frye, 1983; Jeffreys, 1996; Radicalesbians, 1970/2005). Свободный от любого чувства «естественного» физического желания, «лесбийский» феминизм особенно призывал женщин прекратить «спать с врагом» и поощрял женщин находить интимность и сексуальное удовлетворение с женщинами, а также вести домохозяйства и воспитывать детей вне доминирования, которого мужчины ожидают в гетеронормативных отношениях.

Поэтесса Адриен Рич в статье «Обязательная гетеросексуальность и лесбийское существование» (Rich, 1986), уже вошедшей в канон феминистской теории, переопределяет лесбиянку как женщину, которая выводит на передний план своей жизни роль женщины. Что интересно, эту работу Рич часто используют, чтобы намекнуть, что женщины могут идентифицировать себя с другими женщинами и предпочитать отношения с женщинами, при этом, не обязательно желая секса с женщинами или нуждаясь в нём. Возможно, такое предположение предвещает следующий шаг квир-теории – объявить ложность всякой идентичности и историческое конструирование всех сексуальностей.

Написавшая как минимум три широко цитируемых статьи философ Мэрилин Фрай также является крупной фигурой, регулярно включаемой в канон феминистской теории. Её работа «О сепаратизме и власти» (Frye, 1983) часто цитируется как первый призыв к отделению от патриархата. Кроме этого, две последующие статьи Фрай, «Сексуальность» (Frye, 1983) и «Лесбийский «секс» (Frye, 1992), продолжают сохранять актуальность не только в исторической

перспективе, но и в наши дни. По нашему мнению, в «Сексуальности» Фрай предвосхитила идеи, изложенные авторами квир-теории в работах по гендерной перформативности, таких как Батлер (Butler, 1990, 1993), Уэст и Зиммерман (West & Zimmerman, 1987): она отметила использование одежды, стиля и телесных действий для подчёркивания дуалистичности биологического пола.⁸ Критикуя все «естественные» категории гендера и, в конечном счёте, биологический пол, Фрай называет любой гендер «дрегом», особенно гендерное поведение гетеронормативных людей. Как она поясняет, мужчины-трансвеститы, одевающиеся в женскую одежду и пользующиеся косметикой, по крайней мере, осознают, что это представление, в отличие от гетеронормативных людей в их повседневной жизни, которые принимают гендер за нечто реальное.

Ещё более новаторской (и близкой к квир?), по нашему мнению, является эссе Фрай «Лесбийский «секс»» (Frye, 1992). В ней исследовательница утверждает, что лесбиянки не занимаются сексом, поскольку слово «секс» так сильно пропитано коннотациями мужских оргазмов, что его просто нельзя применять к тем сексуальным действиям, которые две женщины совершают друг с другом. По её мнению, представление о том, что две женщины делают, когда занимаются «сексом», просто несравнимо с тем, что по гетеронормативным понятиям определяется как секс в доминирующей культуре (т.е., мужчина-сверху, мужчина-активный-женщина-пассивна, секс в миссионерском стиле, при котором один «акт» исчисляется по его оргазму). Собственно, из самой постановки вопроса «Что делают две женщины, когда они занимаются сексом?» следует, что в нашей культуре нет даже отдалённого представления о том, что же именно, занимаясь сексом, делает любая женщина. То есть определение секса настолько андроцентрично, что в культуре не существует хорошо развитого понимания того, как женщина переживает сексуальность, кроме как через мужчину – этот момент, по нашему мнению, до сих пор важен для конструкционистских теоретиков сексуальности и теоретиков квир-теории.

Другие феминистки так называемой эпохи второй волны используют конструкционистское понятие сексуальности, чтобы призывать к социальному активизму. В *Применениях эротики* поэтесса Одри Лорд (Lorde, 1984) призывает женщин вернуть эротические радости в свою жизнь. Она стремится расширить концепцию эротического, чтобы та включала все формы выражения человеческой природы и духа для страстного наслаждения всеми сторонами жизни, даже не относящимися к сексуальной сфере. Активистка и эссеистка Барбара Смит (Smith, 1990/1993) отмечает, что сексуальная ориентация до сих пор является социально приемлемой мишенью для дискриминации, и призывает феминисток признать сексуальную ориентацию важной формой неравенства, которой феминисткам следует уделять внимание. Возможно, одна из наиболее радикальных позиций среди радикальных феминисток – у активистки Шуламит Фаерстоун (Firestone, 1970), утверждавшей, что гендерное неравенство не может закончиться, пока

развитие технологий не сделает возможным вынашивание детей вне женского тела и, соответственно, не упразднит репродуктивные отличия.⁹

Что важно, феминистки тех времён были склонны к построению теорий о неравенстве по признаку сексуальности (т.е., дискриминация лесбиянок), но не строили теорий по поводу самой сексуальности (т.е., не задавались вопросом, как формируется сексуальная ориентация?). В работе *Обдумывая секс* антрополог Гейл Рубин (Rubin, 1984) признаёт, что феминизм не ставил вопросов о сексуальных иерархиях, которые не были бы связаны с гендерным неравенством. Феминисткам в то время ещё только предстояла критика гетеронормативных правил морали или патологизации сексуальной идентичности. В качестве таковой данная статья Рубин находится на историческом перекрёстке между радикальной феминистской критикой андроцентрической сексуальности и приходом квир-теории.

Сферы исследований сексуальностей

Второй целью данной главы предусмотрено «картографирование» областей исследования сексуальностей. Помимо исторического развития, исследования сексуальностей можно разделить по сферам интереса исследователей, поскольку учёные часто сосредотачиваются на конструировании сексуальностей в разных областях социальной жизни. Мы выделим три сферы анализа: «Я» и идентичность, этнографии сообществ и социальные движения.

«Я», субъектность и идентичность

Среди исследователей сексуальностей популярной и богатой дебатами сферой являются теории «Я» или же идентичности. Многие работы сосредоточены на постмодернистских вопросах происхождения, или же подлинности идентичности – то есть, сам ли человек определяет свою идентичность, или идентичность приписывается человеку теми дискурсами, которые действуют в определённый исторический период? Постмодерные квир-понятия субъектности возникли как критика модерного «Я» (Plummer, 2005). Модерное «Я» рассматривается как независимый, свободно мыслящий субъект, из существования которого философы Просвещения выводили такие понятия, как неотчуждаемые гражданские права, и появление которого способствовало началу революционных войн во Франции и в США. Постмодернисты, такие как, например, Мишель Фуко, Жан Бодрийяр и Жак Деррида, в своих работах отрицали внутреннюю подлинность личности каждого человека, утверждая, что господствующие дискурсы каждой исторической эры создавали скорее субъектности, а не подлинные индивидуальные

«Я». По сути своей, субъектности – это условные и повторяющиеся социальные позиции, которые отдельные люди занимают, подчиняясь институциональным контекстам их культур и жизней. Таким образом, актер не является подлинным отдельным действующим лицом, как утверждают модернисты; скорее, отдельные люди заполняют те идентичности, в которые их подталкивают социальные дискурсы. Так что постмодернисты склонны высказываться в поддержку субъектностей, а модернисты чаще ссылаются на развитие личности. В результате этого идентичность оказывается спорным понятием, которое иногда рассматривается как свойство отдельных людей, а иногда – как свойство институтов и принудительных социальных групп.

С этим связан и вопрос о том, до какой степени отдельный человек может контролировать то, кто и что он есть, и изменять это по собственной воле. Если люди не выбирают и не создают себе идентичности, может ли конкретный человек принять решение в отношении себя? Если идентичность человека – например, мужчины-гея – является продуктом институционального контекста, которым предусматривается, что мужчины-геи обнаруживают стигматизированные субъектности, может ли любой «мужчина-гей» говорить или действовать в соответствии с собственной сущностью и проявлять свою волю от своего собственного имени?

В понятиях сексуальностей этот спор тесно связан с дискуссией по поводу политик идентичности в противовес квир-политике. Сторонники политик идентичности часто утверждают, что сексуальная ориентация существует и может определяться самим человеком. Например, лесбиянка это та, кто себя так называет, поскольку лишь она сама может истолковывать свои влечения. Сторонники квир-политики, в свою очередь, полагают, что никакой «подлинной» идентичности не существует, потому что само понятие «подлинных» сексуальных ориентаций конструируется в рамках властных институтов, которые поддерживают господствующий гетеронормативный дискурс и не приемлют никаких иных форм сексуального выражения (Foucault, 1978; Katz, 1995; Messner, 2000; Sedgwick, 1990; Tiefer, 2004). Приверженцы политик идентичности уверены, что, рассказывая о «выходе из чулана», человек утверждает свою волю противостоять угнетению; в то время как квир-теоретики полагают, что в «выходе из чулана» нет никакой необходимости, поскольку такое действие только поддерживает представление, что идентичности каким-то образом фиксированы и подлинны (Seidman, 2001).

Некоторые авторы присоединились к дискуссии о происхождении и подлинности субъектностей (Almaguer, 1993; Brown, 1997; Chase, 2001; Trumbach, 1994). Фактически, движения трансгендерных и интерсексуальных людей в определенном смысле возобновили давний спор между эссенциализмом и конструкционизмом, в рамках которого многие исследователи обсуждали происхождение личности (Bornstein, 1994; Dozier, 2005; Feinberg, 1996; Green, 2004; Nestle, Howell, & Wilchins, 2002; Prosser, 1995; Rubin, 2003; Schleifer, 2000;

Schrock, Reid, & Boyd, 2005; Valerio, 2006). Многие авторы обсуждали значения и смыслы субъектностей (Case, 1989; De Lauretis, 1989; Faderman, 1992; Halberstam, 1994). Многие другие учёные изучали «Я»-истории и «Я»-перформансы ЛГБТ-людей и членов их семей, включая также и истории о «выходе из чулана» (Broad, 2002b; Crawley & Broad, 2004; Plummer, 1995; Weston, 1991, 1993; Whisman, 1996), истории о гендерно определённой сексуальной идентичности (Crawley, 2002a; Halberstam, 1998) и об изменениях идентичности в связи с возрастом и старением (Crawley, 2002a; Rosenfeld, 2003).

Некоторые более новые подходы к «Я», субъектности и идентичности стремятся сопрячь возможности самостоятельного «Я» с институционализированными субъектностями (Cahill, 1998; Holstein & Gubrium, 2000). В этом направлении, которое мы находим плодотворным, эти авторы избегают дуализма подходов «или-или» и пытаются выявить, как идентичности могут быть глубоко укоренены в институциональные дискурсы и практики и в то же время допускать определённую степень свободного принятия решений.

Этнографии сообществ

Наиболее распространённой и, пожалуй, теоретически непротиворечивой формой исследования ЛГБТ является этнография сообществ. Придерживаясь парадигматического стиля в антропологических исследованиях, многие исследователи стремятся не переносить свои выводы на реалии, характеризующиеся другими параметрами времени и места, ограничиваясь описанием существования конкретных территориальных сообществ в определённый период времени. Нередко это этнографические работы по историческим сообществам. Обычно стандартная антропологическая этнография предлагает окно в мир, к которому большинство людей из господствующей культуры не имеют доступа, то есть, этнографические исследования часто касаются девиантных сообществ. Этнографии ЛГБТ-сообществ до определённой степени изменили эту парадигму, поскольку их чаще всего писали учёные, которые позиционировали себя в качестве геев и лесбиянок и чьи политические интересы предусматривали не столько документирование девиантов, сколько стремление показать во всей живой полноте человечность групп, ранее воспринимаемых в качестве изгоев. Вследствие этого в подобных этнографиях можно найти описание механизмов организации таких сообществ людьми, чьи идентичности стигматизированы, включая вопросы безопасности и взаимной поддержки. Среди ключевых примеров такого типа работ – исследования дрег-выступлений в конце 1960-ых (Newton, 1972), динамика лесбийского феминистского сообщества (Krieger, 1983), гей-сообщество в Нью-Йорке в начале 20-го века (Chauncey, 1994), буч и фам в Албани (штат Нью-Йорк) в середине 20-го века (Lapovsky Kennedy & Davis,

1993), развитие Огненного острова в Нью-Йорке как самого популярного места для летнего отдыха геев (Newton, 1993), квир-сообщество Сан-Франциско (Boyd, 2003), лесбийские феминистские сообщества (Stein, 1992/1998), консерватизм и гей- и лесби-идентичности в штате Вашингтон (Linneman, 2003), сообщества дрег-королев* в Ки-Вест (штат Флорида) (Rupp & Taylor, 2003).

Сексуальности в социальных движениях

Сексуальности продолжают стройными рядами выходить из «Диагностического и статистического руководства по психическим болезням» прямо на страницы социальной истории. На данный момент несколько других групп пытаются последовать примеру добившихся успеха гомосексуалов. Бисексуалы, садомазохисты, люди, предпочитающие межпоколенческий секс, транссексуалы и трансвеститы – все они находятся на разных этапах формирования собственного сообщества и обретения идентичности. (Rubin, 1993, p. 18)

Это наблюдение Рубин часто цитируется, и не только потому, что в нём исследовательница предсказывает появление определённых групп (например, трансгендерных людей), но и потому что она вычленяет центральный момент, которому уделяется основное внимание при рассмотрении сексуальностей в качестве явления социального – активизм, политика и социальные движения. Как в двух словах объясняет Сейдман (Seidman, 2003, p. 53), «У любого общества есть система сексуальной стратификации. Сексуальная политика сводится к созданию и свержению этих сексуальных иерархий». Что существенно, как в исследованиях сексуальностей, так и в конструкционистских работах по сексуальностям центральной проблемой всегда была сексуальная политика. В этой главе мы рассмотрим некоторые из последних работ по социальным движениям, которые исследуют сексуальную политику. В общем, в конструкционистском понимании социальных движений подчёркиваются два аспекта процессов социального конструирования в рамках социальных движений – работу идентичности и фреймирование.

Как в исследованиях сексуальностей значительное внимание уделяется проблеме «Я» и идентичности, так и в исследованиях социальных движений и сексуальностей многие тексты посвящены работе идентичности (так что для целей данной главы мы сосредоточимся на работе идентичности и не будем касаться фреймирования).¹⁰ основополагающей работой в этом направлении можно считать статью Верты Тейлор и Нэнси Витьер (Taylor & Whittier, 1998). Тейлор и Витьер рассматривают появление лесбийско-феминистской идентичности в США и описывают процессы формирования лесбийского феминистского сознания, выстраивания границ того, кто является лесбийской феминисткой, а

* *Drag queen* – мужчина, изображающий женщину на сцене – *примечание переводчика.*

кто нет, и способов бытования лесбийской феминистки в повседневной жизни. Они разрабатывают конструкционистское понимание стратегий выстраивания идентичности в социальных движениях, вычлняя процессы конструирования коллективной идентичности, которые включают создание общего, разделяемого всеми сознания, установление границ между теми, кто входит в группу, и всеми остальными и способы проявления этой идентичности в повседневной жизни. Более того, они также развивают конструкционистское понимание сексуальностей, объясняя, как через групповую работу и взаимодействие создаются новые категории сексуальности (и гендера).

Впрочем, как известно многим, кто хотя бы поверхностно знаком с течениями в лесбийской, гей-, бисексуальной, трансгендерной или квир-политике за последние двадцать лет, конструирование связанной коллективной идентичности – далеко не единственный способ, которым работа идентичности задействована в социальных движениях сексуальностей. Уже тогда, когда Тейлор и Витьер (Taylor & Whittier, 1998) описывали процессы конструирования лесбийско-феминистской идентичности, Арлин Стейн (Stein, 1992/1998) исследовала, как связанная лесбийская идентичность становится всё более и более дробной. В работе Стейн описывалось лесбийское движение, которое «состоит из череды проектов, часто с кардинально разными подходами, многие из которых включают радикальные и прогрессивные элементы» (р. 553). Подобным же образом Джошуа Гемсон (Gamson, 1995) описывает новые формы работы «квир»-идентичности, анализируя 75 писем, присланных в одну из газет Сан-Франциско, в которых речь шла о «квир»-проблемах для целостного ощущения идентичности «геев и лесбиянок». Гемсон называет эти процессы *размывающими идентичность* процессами деконструкции, противопоставляя их *создающими идентичность* стратегиями конструирования коллективной идентичности, которые описывали Тейлор и Витьер. Деконструкционные процессы, как полагает Гемсон (Gamson, р. 390), одновременно «разрушают категории» идентичности и отвергают (а не приемлют) статус этнического меньшинства. С этой целью активисты заявляют о своём отличии «в лоб», наслаждаясь положением аутсайдеров и предпринимая приграничные стычки по поводу условий членства в сообществе и границ группы (Gamson, 1995). Эти два примера конструкционистски ориентированных исследований объясняют работу идентичности в понятиях, свойственных квир-повороту в сексуальной политике.

Со времени появления этих текстов наше конструкционистское понимание работы идентичности в социальных движениях, связанных с сексуальностями и гендером, продолжало развиваться (см., например, Armstrong, 2002; Broad, 2002a, 2002b, 2004; Broad, Crawley, & Foley, 2004; Crawley & Broad, 2004; Gamson, 1996, 1997; Rupp & Taylor, 2003; Seidman, 2001). Тут мы приведём два примера. Первый – это работа Мэри Бернстейн (Bernstein, 1997) о стратегическом использовании идентичностей в разных кампаниях в поддержку прав лесбиянок

и геев, в которой высказываются важные догадки о способах конструирования идентичности в политическом контексте. Исследовательница предполагает, что активисты, связанные с разными формами сексуальностей, часто практикуют «развёртывание идентичности» - такую форму коллективного действия, с помощью которой активисты оценивают политические условия и принимают стратегическое решение о том, подчёркивать или скрывать отличия в сексуальных категориях. Важно отметить, что оценка таких политических условий возникает из взаимодействий между организациями в рамках социальных движений, государственными структурами и оппозицией. Работа Бернстейн удачно дополняет и объясняет разнообразие наблюдений, представленных в работах Тейлор и Витьер (Taylor & Whittier, 1992), Стейн (Stein, 1992/1998) и Гемсона (Gamson, 1995), о работе идентичности, скрывающей или подчёркивающей отличия в сексуальных категориях. Второй пример – работа Кроули и Броуд (Crawley & Broad, 2004) «Будь [настоящей лесбийской] собой». На основании собственного включённого наблюдения на образовательных сессиях ЛГБТК (лесби/гей/би-/транссексуальные люди/квир) авторы описывают напряжённость в рассказах о себе в качестве формы активизма – в том, как отдельные сексуальности и гендеры конструируются через личный нарратив, преодолевая сопротивление ожиданий аудитории, которая стремится вписать ЛГБТ-опыт в уже существующие у неё модели. Как и работа Бернстейн, данное исследование опирается на более ранние работы по конструированию идентичности, но усложняет модель, подчёркивая ответ аудитории и личную работу идентичности.

Новые направления

В соответствии с третьей целью этой главы, мы рассмотрим новые направления по исследованию сексуальностей. После того, как мы описали существенную часть истории исследований сексуальностей и некоторые из основных дебатов в этой сфере, мы бы хотели кратко изложить несколько идей для будущей работы, а также привести сделанные другими предложения, которые кажутся нам наиболее убедительными.

Тела и сексуальные действия

Среди конструкционистских работ по сексуальностям странным образом отсутствуют исследования сексуального в его телесном, плотском смысле (а не, например, в понятиях идентичности, сообщества или политики). Как объясняет Пламмер (Plummer, 2003, p. 522), «Время от времени появляются странные вспышки нововведений, однако, в общем и целом мы можем говорить об 'ис-

чезающей сексуальности¹ – определённом отсутствии сексуального в большинстве современных конструкционистских и интеракционистских исследованиях по сексуальности». Более того, он даже предположил, что решением в данном случае может быть автоэтнографическое изучение исследователя сексуальности как сексуального существа (хотя скромно и отметил, что он сам для такого недостаточно смел и недостаточно интересен).

Пожалуй, отсутствие конструкционистских работ по телам и сексуальным действиям наиболее заметно в исследованиях ВИЧ/СПИДа, подавляющее число которых не было конструкционистскими. Складывается ощущение, что в изучении сексуальности конструкционизм сосредоточивается на том, что можно рассматривать как социальное, но не обращает внимания на существующие телесные практики. Пламмер (Plummer, 2003) формулирует это более кратко:

В социологических работах вы не найдёте прикосновений и толчков, пота или слюны. Вместо этого у нас дискурсы, идентичности, культуры, патриархаты, квир-теории, трансгендерные политики, всего не перечисль. Что угодно, кроме вождения и секса как такового. (р. 525-526)

Учитывая, что значительная часть квир-культуры – будь то газеты, журналы или кинофильмы – ориентирована на эротику, то обстоятельство, что учёные не обращались к этому компоненту сексуальной жизни, видится существенным упущением. Если мы хотим серьёзно изучать тело и телесность, нам нужно изучать и телесные практики.

Пересечения сексуальностей и категоризации расы

Ещё одна область, к которой исследования сексуальностей только начинают обращаться – сексуальность на пересечении расовых категорий и этнических культур и практик. Квир-теоретикам и учёным, работающим в традиции теории «чёрного» феминизма, стоит обращать внимание больше чем на одно или два пересечения одновременно. Следуя примеру белл хукс, мы должны стремиться выяснить, как взаимодействуют между собой и одновременно проявляют себя гендер, сексуальная ориентация, раса и социальный класс. Тогда, скажем, квир-теоретикам стоит более тщательно рассмотреть, как расовая категоризация (принадлежность к белым или к цветным) взаимодействует с формированием сексуальности (Valocchi, 2005), а учёным, занимающимся критическими вопросами расы, особенно тем, кто работает с пересечениями расы, класса, гендера, сексуальности и нации, нужно больше уделять внимание гетеронормативности.¹¹ Некоторые квир-исследователи уже начали работу в этом направлении (Almaguer, 1993; Alonso, 1993; Mercer, 1993; Nagel, 2003; Sommerville, 2000), но в интересах изучения особенностей сексуальных сообществ нам следует всегда учитывать

воздействие категории расы, включая белое доминирование как компонент сексуальных идентичностей и сообществ.

Методологические течения и призыв вернуться к эмпирике

Принимая во внимание впервые введённое квир-теоретиками утверждение, что все категории конструируются условно и временно, социологи сексуальностей сталкиваются с серьёзной методологической проблемой: возможна ли социология без секса или сексуальной ориентации (Seidman, 1996)? Традиция социологии предусматривает анализ тенденций и социальных явлений в рамках взаимодействия людей в группах. Можно ли продолжать такое исследование с полным на то основанием, если сами категории, на которых традиционно основывался социальный анализ – сексуальная ориентация, раса и даже, собственно, биологический пол – как оказалось, сами социально сконструированы?¹²

Решение состоит не в том, чтобы отказаться от самой возможности исследования, а в том, чтобы тщательнее учитывать особенности описываемых людей и явлений. Ингрэм (Ingraham 1996) предлагает поразительный пример такого подхода в своей критике распространённого использования понятия «гендер». Подчёркивая важность гетеронормативности, присущей гендерным системам, Ингрэм утверждает, что широкое использование учёными понятия «гендер» прикрывает их собственные гетеронормативные ожидания, так что более точным термином был бы *гетерогендер*. Исследовательница полагает, что термин «*гетерогендер*» выводит из тени скрытую в гендерном анализе гетеронормативную сексуальность и оставляет возможность для существования таких стилей гендера, которые не обязательно включают в себя гетеросексуальность.

В рамках реакции на квир-поворот в исследованиях сексуальностей крайне важной для социологов оказалась переоценка эмпирики как важной сферы научного исследования. В частности, социологически настроенные исследователи сексуальностей всё активнее говорят об уместности социальных конструкционистских эмпирических исследований и методологических разработок. Хотя эту точку зрения высказывали многие, здесь мы рассмотрим работы двух авторов, недавно поднимавших эту тему, Адама Исаяи Грина (Green 2002) и Кена Пламмера (Plummer 1995, 1998, 2003).

Обсуждая следующий этап в исследованиях сексуальностей, Грин (Green 2002) указывает на центральную роль эмпирической социологии. И хотя он высоко ценит ту глубину и сложность, которую квир-теория придала нашему пониманию сексуальностей, он же отмечает, что следствием этого стало появление «теоретической катаракты, через которую лишь смутно виден вклад 'социального' в сексуальное» (Green, 2002 p. 522). По сути, он напоминает работающим с сексуальностями учёным о необходимости эмпирического исследования для

изучения того, что стало конструкцией квир-теории: «недосоциализированная 'квир'-тема, практически не связанная с эмпирическим миром и социоисторическими силами, которые формируют сексуальные практики и идентичности» (Green, 2002, p. 522). Хотя он и не описывает прямым текстом, как методологически восстановить эмпирическую социологию, в качестве ключевого примера пост-квир-эмпирической работы он упоминает исследование маскулинности среди австралийских мужчин, которое провёл Коннелл (Connell, 1992), используя анализ истории жизни. В этом исследовании сочетаются внимание к квир-соображениям (сексологические категории и понимание гей-идентичности как потенциально подрывной категории) и социальный конструкционистский анализ и наблюдения (важность сексуальных категорий для того, как гомосексуальные мужчины выстраивают и формируют привязанности к институтам сообщества, и аполитичного формированиями этими мужчинами своих идентичностей).

Подобным образом Пламмер (Plummer, 1995, 1998, 2003) решительно высказывается как социолог и социальный конструкционист, напоминая о важности эмпирического изучения и символического интеракционизма для развития современных подходов к исследованию сексуальностей. В частности, Пламмер (Plummer, 1998) прямо призывает к «переоткрытию этнографии», особенно в силу рефлексивного поворота в этнографических методологиях и «выходящего за пределы дискурса», чтобы вернуться к пониманию сложных, конкретных живых социальных миров лесбиянок и геев. Пламмер (Plummer, 2003) также высказывает предположение, что, хотя символический интеракционизм занимал до сих пор незначительное место в конструкционистских исследованиях сексуальностей, его стоит вывести на передний план, главным образом, благодаря успешной применимости интеракционизма для анализа реальности повседневной жизни (в противовес квир-теории). Тут важна не только сосредоточенность интеракционизма на эмпирике: как показал Пламмер (Plummer, 2003, p. 521), недавние интеракционистские разработки в области методологии открывают перспективные пути для развития исследований сексуальности. В своей работе (Kong, Mahoney & Plummer, 2002) Конг, Махони и Пламмер рассматривают, как распространение квир-подходов (к сексуальности и методологии) делает актуальными некоторые методологические соображения: вопросы репрезентации, проблемы легитимации (валидности), рефлексивность и этические проблемы. По сути, в этой работе предлагаются конкретные пути сопряжения вопросов квир-теории с прагматическими методологическими проблемами интервьюирования, чтобы обеспечить более глубокое конструкционистское понимание сексуальностей.

Как Грин (Green, 2002), так и Пламмер (Plummer, 1995, 1998, 2003) предлагают нам прогноз возможного развития конструкционистских исследований сексуальностей – в направлении методологически квир-ориентированных, но, тем не менее, социологически обоснованных эмпирических исследований,

которые улавливают социальное в сексуальном и сексуальное в социальном (исследовании). В продолжение высказанной нами ранее мысли о необходимости задействовать расовые и этнические социальные аспекты в исследования сексуальностей мы также предполагаем, что эмпирическая работа с людьми, обладающими различными идентичностями, – это логичный следующий шаг к тому, чтобы увязать абстрактность квир-теорий с живым контекстом власти и построения идентичности в повседневной жизни обычных людей, реализующих любые возможные формы сексуальностей.

Прагматизм и перформанс за пределами психоаналитических теорий

В связи с приведенной выше критикой методологических оснований наши студенты часто высказывают опасение, что квир-теория может не обладать внятной объяснительной силой для людей из ЛГБТ-сообществ в их повседневной жизни. Учёным, которые балансируют между «лингвистическим поворотом» квир-теории и материальностью тела, могло бы помочь изучение повседневной жизни в её интерпретации социальными акторами (Plummer, 2003, 2005b). Категории идентичности и значения, предполагаемые этими категориями, конструируются социально, тем не менее, практики, к которым они побуждают, и социальные структуры, вокруг которых они выстраиваются, создают ощущение конкретной проживаемой «действительности» для людей в их повседневной жизни. Идентичности могут быть сколько угодно сконструированы, но от этого люди, которые в них обитают, не ощущают их менее настоящими. В защиту конструкционистских подходов и в поддержку важности этой работы для преодоления раздела между гуманитарными и естественными науками Уикс (Weeks, 1998) пишет:

Например, Дэвид Гальперин, которого можно восхвалять или проклинать, на ваш вкус, как корифея социального конструкционизма и приверженца идей Фуко, однажды признал, что если бы ему показали убедительные подтверждения генетической природы гомосексуальности, ему пришлось бы пересмотреть все свои исторические теории. Но это нонсенс. Предложенная Гальпериным интерпретация сексуальности в античном мире может быть исторически точной или неточной; но она ни на йоту не зависит от того, является ли гомосексуальность врождённой или приобретённой. Это довольно банальное замечание, но сделать его, тем не менее, важно: социальные категоризации обладают воздействием в реальном мире, вне зависимости от того, являются они прямым отражением врождённых качеств и влечений или нет и насколько вообще возможно отследить

их генеалогии в мутной истории власти и сопротивления (р. 137).

Как таковая, вся так называемая дискуссия о сравнительной роли наследственности и среды (*nature vs. nurture*) спорна от начала до конца, а с другой стороны, любые данные естественных наук, которые показывают связь с сексуальностью, не стоит воспринимать как угрозу лингвистическим или социальным теориям сексуальности, поскольку вне зависимости от таких связей для нас в течение большей части нашей жизни важнее всего то, как именно мы истолковываем влечения и порывы или сами социальные взаимодействия. Для нас «реальна» социальная среда интерпретаций, благодаря которым мы понимаем собственную жизнь, безотносительно к происхождению этих инструкций. Так что подходы символического интеракционизма преодолевают искусственное разделение языка и биологии, врождённых и выученных сексуальностей, отдавая предпочтение описанию того, что Блумер (Blumer, 1969) называл «упрямством» социальной жизни (р. 22). Идентичностям не обязательно брать начало в теле, чтобы обладать долговременным воздействием в социальном мире. Поэтому мы предполагаем, что прагматистские подходы – включая феноменологию, этнометодологию, символический интеракционизм – позволяют нам видеть людей в их социальных мирах и описывать сущности, которые люди понимают на практике и которые, собственно, организуют их жизнь.

Квир-теория не только помогает работать со спецификой разнообразных форм живого человеческого опыта: её влияние даёт основания для дальнейшего исследования того, как господствующие дискурсы воздействуют на нашу жизнь. Аргументы квир-теоретиков в поддержку деконструкции категорий побуждают учёных обратить внимание на те способы, с помощью которых господствующие дискурсы и практики накладывают субъектности на людей, предписывая им социальные категории и ставя отличие вне закона. Это как раз дело для социологов-конструкционистов – изучать воздействие господствующих дискурсов и социальных структур на жизнь людей. В нашей собственной работе (Crawley & Broad, 2004) мы показываем, как работа идентичности в рамках социального движения принуждает каждую из нас претендовать на определённую категорию идентичности, несмотря на то, что в других обстоятельствах мы предпочитаем говорить только за себя лично и чувствуем себя неудобно, претендуя на членство в некоей категории. Так что, независимо от «настоящести» социальных категорий или источников их происхождения, изучение их существования в практике само по себе ценно.

Например, мы утверждали, что гендер и сексуальность часто принудительно приписываются социальным акторам другими людьми как некая форма ответственности на основании конкретных видимых характеристик, особенно биологического пола (Crawley, 2002a, 2002c; Crawley, Foley, & Shehan, в печати). Например, в повседневном взаимодействии люди с женскими телами (а иногда и с мужскими) несут ответственность перед другими за то, что они

«женщины»), и на этом основании испытывают к себе особое отношение. Таким образом, существует определённое опознаваемое основание для анализа единого опыта того, что это означает – быть «женщиной», если в социальном взаимодействии к людям, при других обстоятельствах имеющим разные интересы и по-разному себя определяющим, другие принудительно применяют данную половую категорию. Другими словами, при взаимодействии половая категория неизбежна, если другие признают и применяют интеракциональные гендерные правила.¹³ Особенности опыта конкретных женщин не стоит игнорировать или приукрашивать, тем не менее, учёные могут изучать, что это означает в нашей культуре – нести ответственность за то, что ты «женщина». В частности, мы согласны с разными критическими рассмотрениями перформативной теории Батлер и её последователей, которые продолжают – без особой на то нужды – выводить на первый план психоаналитические подходы (Dunn, 1997; Emery, 2002; Jackson & Scott, 2001). Мы утверждаем, что более прагматистскому подходу проще избежать уклонения в сторону фрейдистского, гетеронормативного гранд-нарратива социализации. Нет никакой необходимости принимать, что душа гетеронормативна, или наоборот, что душа – квир. Вместо этого мы используем прагматистские подходы, основываясь на работе Джорджа Мида (Mead, 1964), чтобы обеспечить более широкий спектр человеческих возможностей, не сводимых к гетеронормативному гранд-нарративу и не ограниченных им (Crawley et al., в печати). По нашим оценкам, предложенные Мидом подходы к идентичности обладают большей объяснительной силой, чем неофрейдистские, и обеспечивают намного больше гибкости в интерпретации, придавая больше оптимизма надежде на возможность равенства.

Литература

- Almaguer T., “Chicano men: A cartography of homosexual identity and behavior”, in H. Ablove, M. A. Barale, & D. M. Halperin, eds., *The lesbian and gay studies reader* (New York: Routledge, 1993), p. 255-273.
- Alonso A. M. & Koreck M. T., “Silences: «Hispanics», AIDS, and sexual practices”, in H. Ablove, M. A. Barale, & D. M. Halperin, eds., *The lesbian and gay studies reader* (New York: Routledge, 1993), p. 110-126.
- Armstrong E. A., *Forging gay identities: Organizing sexualities in San Francisco, 1950-1999* (Chicago: University of Chicago Press, 2002).
- Becker H., *Outsiders: Studies in the sociology of deviance* (Glencoe, TL: Free Press, 1963).
- Bernstein M., “Celebration and suppression: The strategic uses of identity by the

- lesbian and gay movement”, *American Journal of Sociology*, 76/3(3) (1997), p.531-565.
- Best A. L., *Prom night: Youth, schools, and popular culture* (New York: Routledge, 2000).
- Blumer H., *Symbolic interactionism: Perspective and method* (Berkeley: University of California Press, 1969).
- Bordo S., “Pills and power tools”, *Men and Masculinities*, 7(1) (1998), p.87-90.
- Bornstein K., *Gender outlaw: On men, women, and the rest of us* (New York: Routledge, 1994).
- Boyd N. A., *Wide-open town: A history of queer San Francisco to 1965* (Berkeley: University of California Press, 2003).
- Broad K. L., “Is it G, L, B and T?: Gender/sexuality movements and transgender collective identity (de)constructions”, *International Journal of Sexuality and Gender Studies*, 7(4) (2002), p. 241-264.
- Broad, K. L., “Social movement selves”, *Sociological Perspectives*. 45(3) (2002), p.317-336,
- Broad, K. L. “Institutional selves in social movements: The interpretive production of ftm/ transmen”, *Research in Political Sociology*, 13 (2004), p.1.
- Broad, K. L., Crawley, S. L, & Foley, L., “Doing «real» family values: The interpretive practice of «families» in the glbt movement”, *Sociological Quarterly*, 45(3) (2004), p.509-527.
- Brown L., *Two spirit people: American Indian lesbian women and gay men* (New York: Haworth Press, 1997).
- Brumberg J. J., «Something happens to girls:» Menarche and the emergence of the modern American hygienic imperative”, *Journal of the History of Sexuality*, 4 (1993), p.99-127.
- Butler J., *Gender trouble: Feminism and the subversion of identity* (New York: Routledge, 1990).
- Butler J., *Bodies that matter: On the discursive limits of «sex»* (New York: Routledge, 1993).
- Butler J., “Imitation and gender insubordination”, in D. Morton, ed., *The material queer* (Boulder, CO: Westview Press, 1996), p. 180-192.
- Cahill S.E., “Language practices and self-definition. The case of gender identity acquisition”, *Sociological quarterly*, 27(3) (1986), p.295-311.

- Cahill S.E., "Fashioning males and females: Appearance management and the social reproduction of gender", *Symbolic Interaction*, 12(2) (1989), p.281-298.
- Cahill S.E., "Towards a sociology of the person", *Sociological Theory*, 16 (1998), p.131-148.
- Case S., "Toward a butch-femme aesthetic" in I.Hart, ed., *Making a spectacle* (Ann Arbor: University of Michigan Press, 1989) p. 282-298.
- Chase S.E., "Universities as discursive environments for sexual identity construction" in J.F.Gubrium & J. A. Holstein, eds., *Institutional selves: Troubled identities in a postmodern world* (New York: Oxford University Press, 2001), p. 142-157.
- Chauncey G., *Gay New York: Gender, urban culture, and the makings of the gay male world, 1890-1940* (New York: Basic Books, 1994).
- Combahee River Collective, "A black feminist statement", in W. K. Kolmar & F. Bartkowski, eds., *Feminist theory: A reader* (2nd ed.,) (Boston: McGraw-Hill, 2005) p. 311-317 (Original work published 1981).
- Connell R., *Gender and power* (Stanford, CA: Stanford University Press, 1987).
- Connell R., "A very straight gay: Masculinity, homosexual experiences, and the dynamics of gender", *American Sociological Review*, 51 (1992), p.735-751.
- Crawley S. L., "Are butch and fem working class and anti-feminist?", *Gender & Society*, 15 (2001), p.175-196.
- Crawley S. L., *Narrating and negotiating butch and femme: Storying lesbian selves in a heteronormative world*. Unpublished doctoral dissertation, University of Florida (2002).
- Crawley S. L., "Prioritizing audiences: Exploring the differences between stone butch and transgender identifications", *Journal of Lesbian Studies*, 6 (2002), p.11-24.
- Crawley S. L., "They still don't understand why I hate wearing dresses": An autoethnographic rant on dresses, boats and butchness", *Cultural Studies-Critical Methodologies*, 2 (2002), p.69-92.
- Crawley, S. L. & Broad, K. L., "Be your [real lesbian] self: Mobilizing sexual formula stories through personal (and political) story telling", *Journal of Contemporary Ethnography*, 33 (2004), p.39-71.
- Crawley S. L., Foley, L. J. & Shehan C. L., (in press) *Gendering bodies* (New York: Rowman & Littlefield).
- Crimp D., "The boys in my bedroom" in H. Ablove, M. A. Barale & D. M. Halperin, eds., *The lesbian and gay studies reader* (New York: Routledge, p. 344-349).

- De Lauretis T., *Technologies of gender: Essays on theory, film, and fiction* (Bloomington: Indiana University Press, 1989).
- Dozier R., "Beards, breasts, and bodies: Doing sex in a gendered world", *Gender and Society*, 19 (2005), p.297-316.
- Dunn R.G., "Self, identity, and difference: Mead and the poststructuralists", *Sociological quarterly*, 38 (1997), p.687-705.
- Emery K., *The lesbian index: Pragmatism and lesbian subjectivity in the twentieth century United States* (Albany: State University of New York Press, 2007).
- Epstein S., "Gay politics, ethnic identity: The limits of social constructionism" in P. N. Nardi Я & B.E.Schneider, eds., *Social perspectives in lesbian and gay studies: A reader* (New York: Routledge, 1998), p. 134-159. (Original work published 1987).
- Epstein S., "A queer encounter: Sociology and the study of sexuality" in S. Seidman, ed., *Queer theory/sociology* (Cambridge, MA: Blackwell, 1996), p. 145-167.
- Faderman L., *Surpassing the love of men: Romantic friendship and love between women from the Renaissance to the present* (New York: Morrow, 1981).
- Faderman L., "The return of butch and femme: A phenomenon in lesbian sexuality of the 1980s and 1990s" in J. Font & M. Tantillo, eds., *American sexual politics: Sex, gender and race since the Civil War* (Chicago: University of Chicago Press, 1992), p. 333-351.
- Fausto-Sterling A., *Myths of gender: Biological theories about women and men* (New York: Basic Books, 1986).
- Fausto-Sterling A., "How to build a man" in M. Berger, B. Wallace, & S. Watson, eds., *Constructing masculinity* (New York: Routledge, 1995), p. 127-135.
- Fausto-Sterling A., *Sexing the body: Gender politics and the construction of sexuality* (New York: Basic Books, 2000).
- Feinberg L., *Transgender warriors: Making history from Joan of Arc to Dennis Rodman* (Boston: Beacon Press, 1996).
- Firestone S., *The dialectic of sex: The case for feminist revolution* (New York: Morrow, 1970).
- Foucault M., *Discipline and punish: The birth of a prison* (New York: Random House, 1977).
- Foucault M., *The history of sexuality: An introduction* (Vol. 1) (New York: Vintage Books, 1978).
- Foucault M., *Power/knowledge: Selected interviews and other writings, 1972-1977*

- (C. Gordon, ed.) (New York: Pantheon, 1980).
- Frye M., *The politics of reality: Essays in feminist theory* (Freedom, CA: Crossing Press, 1983).
- Frye M., "Lesbian 'sex'" in M. Frye, *Willful virgin: Essays in feminism* (Freedom, CA: Crossing Press, 1992), p. 109-119.
- Gagnon, J. H. & Simon W., *Sexual conduct: The social sources of human sexuality*. (New Brunswick, NJ: AldineTransaction, 2005). (Original work published 1973)
- Gamson J., "Must identity movements self-destruct?: A queer dilemma", *Social Problems*, 42 (3) (1995), p.390-407.
- Gamson J., "The organizational shaping of collective identify: The case of lesbian and gay film festivals in New York", *Sociological Forum*, 11 (2) (1996), p.231-261.
- Gamson J., "Messages of exclusion: Gender, movements, and symbolic boundaries", *Gender and Society*, 11 (2) (1997), p.178-199.
- Garfinkel H., *Studies in ethnomethodology* (Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1967).
- Goffman E., *The presentation of self in everyday life* (New York: Anchor Books, 1959).
- Goffman E., *Interaction ritual* (New York: Anchor Books, 1963).
- Goffman E., *Stigma. Notes on the management of spoiled identity* (New York: Simon & Schuster, 1963).
- Goffman E., *Gender advertisements* (New York: Harper Collins, 1976).
- Goffman E., "The arrangement between the sexes", *Theory and Society*, 4 (1997), p.301-331.
- Green A. I., "Gay but not queer: Toward a past-queer study of sexuality", *Theory and Society*, 31 (2002), p.521-545.
- Green J., *Becoming a visible man* (Nashville, TN: Vanderbilt University Press, 2004).
- Greenberg D. E., *The construction of homosexuality* (Chicago: University of Chicago Press, 1988).
- Gubrium J. F. & Holstein J. A., *The new language of qualitative method* (New York: Oxford University Press, 1997).
- Halberstam J., "F2M: The making of female masculinity" in L. Doan, ed., *The lesbian postmodern* (New York: Columbia University Press, 1994), p. 210-228.

- Halberstam J., *Female masculinity* (Durham, NC: Duke University Press, 1998).
- Halperin D. M., "Is there a history of sexuality?" in H. Abelove, M.A. Barale & D.M. Halperin, eds., *The lesbian and gay studies reader* (New York: Routledge, 1993), p. 416-431.
- Hill Collins, P. *Black feminist thought* (Boston: Unwin Hyman, 1991).
- Holland J., Ramazanoglu C. & Thomson R., "In the same boat?" in S. Jackson & S. Scott, eds., *Gender: A sociological reader* (London: Routledge, 2002), p. 326-337. (Original work published 1996).
- Holstein J. A. & Gubrium J. F., *The self we live by: Narrative identity in a postmodern world* (New York: Oxford University Press, 2000).
- Humphreys L., *Tearoom trade: Impersonal sex in public places* (Chicago: Aldine de Gruyter, 2000).
- Ingraham C., "The heterosexual imaginary: Feminist sociology and theories of gender" in S. Seidman, ed., *Queer theory/sociology* (Maiden, MA: Blackwell, 1996), p. 168-193.
- Ingraham C., *White weddings: Romancing heterosexuality in popular culture* (New York: Routledge, 1999).
- Ingraham C., "The sociologist as voyeur: Social theory and sexuality research, 1910-1978", *Qualitative Sociology*, 26(4) (2003), p.429-456.
- Jackson S. & Scott S., "Putting the body's feet on the ground: Towards a sociological reconceptualization of gendered and sexual embodiment" in K. Backett-Milburn & L. McKie, eds., *Constructing gendered bodies* (New York: Palgrave, 2001), p. 9-24.
- Jeffreys S., "Heterosexuality and the desire for gender" in D. Richardson, ed., *Theorising heterosexuality: Telling it straight* (Buckingham, UK: Open University Press, 1996), p. 75-90.
- Jenness V., "Social movement growth, domain expansion, and framing processes: The gay/lesbian movement and violence against gays and lesbians as a social problem", *Social Problems*, 42(1) (1995), p.145-170.
- Jenness V. & Broad K. L., "Antiviolence activism and the (in)visibility of gender in the gay/lesbian and women's movements", *Gender & Society*, 8(3) (1994), p.402-423.
- Katz, J. N., *Gay American history* (New York: Crowell, 1976).
- Katz J. N., *The invention of heterosexuality* (New York: Dutton, 1995).
- Kessler S. J., *Lessons from the intersexed* (New Brunswick, NJ: Rutgers University

- Press, 1998).
- Kessler S. J. & McKenna W. *Gender: An ethnomethodological approach* (Chicago: University of Chicago Press, 1978).
- Kinsey A. C., Pomeroy W. B. & Martin C. K., *Sexual behavior in the human male* (Philadelphia: Saunders, 1948).
- Kinsey A. C., Pomeroy W. B., Martin C. E. & Gebhard P. *Sexual behavior in the human female*. Philadelphia: Saunders, 1953).
- Kitzinger C., *The social construction of lesbianism* (London: Sage, 1987).
- Kitzinger C., "Social constructionism: Implications for lesbian and gay psychology" in A. R. D'Augelli & C.J. Patterson, eds., *Lesbian, gay and bisexual identities over the lifespan: Psychological perspectives* (New York: Oxford University Press, 1995) p. 136-165.
- Kong T.S.K., Mahoney D. & Plummer K., "Queering the interview" in J. F. Gubrium & J. A. Holstein, eds., *Handbook of interview research: Context and method* (Thousand Oaks, CA: Sage University Press, 2002), p. 239-258.
- Krieger S., *The mirror dance: Identity in a women's community* (Philadelphia: Temple University Press, 1983).
- Lapovsky Kennedy E. & Davis M. D., *Boots of leather, slippers of gold: The history of a lesbian community* (New York: Routledge, 1993).
- Laqueur T., *Making sex: Body and gender from the Greeks to Freud* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990).
- Linneman T. *Weathering change: Gays and lesbians, Christian conservatives and everyday hostilities* (New York: New York University Press, 2003).
- Loe M., *The use of Viagra: How the little blue pill changed sex in America* (New York: New York University Press, 2004).
- Lorde A., "The uses of the erotic: The erotic as power" in A.Lorde, *Sister/outsider: Essays and speeches* (Freedom, CA: Crossing Press, 1984), p.53-59.
- Masters W.H. & Johnson V.E., *Human sexual response* (Boston: Little, Brown, 1966).
- McIntosh M. "The homosexual role", *Social problems* 16 (1968), p.182-192.
- Mead G.H. *Mind, self and society* (C.W.Morris, ed.) (Chicago: University of Chicago Press, 1964) (Original work published in 1934).
- Mercer K., "Looking for trouble" in H.Abelove, M. A. Barale & D. M. Halperin, eds., *The lesbian and gay studies reader* (New York: Routledge, 1993), p. 350-359.

- Messner M., "Becoming 100% straight" in M. Baca-Zinn, P. Hondagneu-Sotelo & M. A. Messner. ed., *Gender through the prism of difference* (Boston: Allyn & Bacon, 2000), p. 205-210.
- Monro S. & Warren, L. "Transgender citizenship", *Sexuaities*, 7 (2004), p.345-362.
- Moraga C. & Anzaldua G., eds., *The bridge called my back: Writings by radical women of color* (Watertown, MA: Persephone Press, 1981).
- Myerson M., Crawley S. L., Anstey E., Kessler J. & Okopny C., "Who's zoomin' who?: A feminist queer content analysis of "interdisciplinary" human sexuality textbooks", *Hypalialia*, 22 (2007), p.92-113.
- Nagel J., *Race, ethnicity, and sexuality: Intimate intersections, forbidden frontiers* (New York: Oxford University Press, 2003).
- Nardi P. M., "The breastplate of righteousness. Twenty-five years after Laud Humphrey's tearoom trade: Impersonal sex in public places", *Journal of Homosexuality*, 30 (2) (1995), p.1-10.
- Nardi P. M. & Schneider B. E., eds., *Social perspectives in lesbian and gay studies: A reader* (London: Routledge, 1998).
- Nestle J., Howell C. & Wilchins R., *Genderqueer. Voices from beyond the sexual binary* (Los Angeles: Alyson Books, 2002).
- Newton E. *MotherCamp: Female impersonators in America* (Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1972).
- Newton E. *Cherry Grove, Fire Island: Sixty years in America's first gay and lesbian town* (Boston: Beacon Press, 1993).
- Patton C. "From nation to family", in H. Abelow, M.A. Barale & D.M. Halperin, eds., *The lesbian and gay studies reader* (New York: Routledge, 1993), p. 127-138.
- Plummer K., *Sexual stigma: An interactionist account* (Boston: Routledge & Regan Paul, 1975).
- Plummer K., *Telling sexual stories: Power, change and social worlds* (London: Routledge, 1995).
- Plummer K., "The past, present and futures of the sociology of same-sex relations", in P. N. Nardi & B. E. Schneider, eds., *Social perspective in lesbian and gay studies: A reader* (New York: Routledge, 1998), p.605-614.
- Plummer K., "Queers, bodies and postmodern sexualities: A note on revisiting the "sexual" in symbolic interactionism", *Qualitative Sociology*, 26 (4) (2003), p.515-530.

- Plummer K., "Critical humanism and queer theory", in N.K. Denzin & Y.S. Lincoln, eds., *The Sage Handbook of qualitative research* (3rd ed.), (Thousand Oaks, CA: Sage, 2005), p.357-373.
- Plummer K., "Permanence and change: Social conduct – thirty years on", in J.H. Gagnon & W.Simon, eds., *Sexual conduct: The social sources of human sexuality* (2nd ed.) (New Brunswick, NJ: Aldine Transaction, 2005).
- Prosser J. "No place like home: The transgendered narrative of Leslie Feinberg's *Stone Butch Blues*", *Modern Fiction Studies*, 41 (1995), p.483-514.
- Radicalesbians, "The woman-identified woman", in W.K. Kolmar & F. Bartkowski, eds., *Feminist theory: A reader* (2nd ed.) (Boston: McGraw-Hill, 2005), p. 239-242 (Original work published in 1970).
- Rich A., *Blood, bread and poetry: Selected prose, 1979-1986* (New York: Norton, 1986).
- Rosenfeld D., *The changing of the guard: Lesbian and gay elders, identity, and social change* (Philadelphia: Temple University Press, 2003).
- Rubin G., "Thinking sex: Notes for a radical theory of the politics of sexuality", in H. Abelove, M. A. Barale & D. M. Halperin, eds., *The lesbian and gay studies reader* (New York: Routledge, 1993), p. 3-44.
- Rubin G., "Studying sexual subcultures: Excavating the Ethnography of gay communities in urban North America", in E. Lewin & W.L. Leap, eds., *Out in theory: The emergence of lesbian and gay anthropology* (Urbana: University of Illinois Press, 2002), p. 17-68.
- Rubin G. & Butler J., "Sexual traffic", *Differences*, 6(2-3) (1994), p.62-99.
- Rubin H., *Self-made men: Identity and embodiment among transsexual men* (Nashville, TN: Vanderbilt University Press, 2003).
- Rupp L.J. & Taylor V. *Drag queens at the 801 Cabaret* (Chicago: University of Chicago Press, 2003).
- Rust P.C., *Bisexuality and the challenge to lesbian politics: Sex, loyalty, and revolution* (New York: New York University Press, 1995).
- Schiebinger L., *Nature's body* (Boston: Beacon, 1993).
- Schleifer D., "Make me feel mighty real: Gay female-to-male transgenderists negotiating sex, gender, and sexuality", *Sexualities*, 9 (2006), p.57-75.
- Schrock D., Reid L. & Boyd E.M. "Transsexuals' embodiment of womanhood", *Gender & Society*, 19 (2005), p.317-335.

- Schwartz P. & Rutter V. *The gender of sexuality* (Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press, 1998).
- Scott J., "The evidence of experience", in H. Ablove, M. A. Barale & D.M. Halperin, eds., *The lesbian and gay studies reader* (New York: Routledge, 1993), p. 397-415.
- Sedgwick E.K., *Epistemology of the closet* (Berkeley: University of California Press, 1990).
- Seidman S., ed., *Queer theory/sociology* (MA: Blackwell, 1996).
- Seidman S., "From identity to queer politics: Shifts in normative heterosexuality", in S. Seidman & J.C. Alexander, eds., *The new social theory reader* (London: Routledge, 2001), p. 353-361.
- Seidman S., *The social construction of sexuality* (New York: Norton, 2003).
- Simon W. & Gagnon J.H., "Sexual scripts: influences and changes", *Qualitative Sociology*, 26 (4) (2003), p.491-497.
- Smith B., "Homophobia: Why bring it up?", in H. Ablove, M. A. Barale & D.M. Halperin, eds., *The lesbian and gay studies reader* (New York: Routledge, 1993), p.99-102. (Original work published 1990)
- Smith D.E., *The everyday world as problematic* (Boston: Northeastern University Press, 1987).
- Smith-Rosenberg C., "The female world of love and ritual", *Signs*, 1 (1975).
- Somerville S.B., *Queering the color line* (Durham, NC: Duke University Press, 2000).
- Stein A., "Sisters and queers: The decentering of lesbian feminism", in P. Nardi & B. Schneider, eds., *Social perspectives in lesbian and gay studies* (New York: Routledge, 1998). (Original work published 1992)
- Stone S., "The empire strikes back: A posttranssexual manifesto", in J. Epstein & K. Straub, eds., *Body guards* (New York: Routledge, 1991).
- Taylor V. & Whittier N., "Collective identity in social movement communities: Lesbian feminist mobilization", in P. Nardi & B.E. Schneider, eds., *Social perspectives in lesbian and gay studies* (New York: Routledge, 1998), p.349-365.
- Thomas W.I., *Sex and society: Studies in the social psychology of sex* (Chicago: University of Chicago Press, 1907).
- Tiefer L., *Sex is not a natural act and other essays* (Boulder, CO: Westview Press, 2004).

- Trumbach R., "The origins and development of modern lesbian role in the Western gender system: Northwestern Europe and the United States, 1750-1990", *Historical Reflections*, 20 (1994), p.287-320.
- Valerio M.W., *The testosterone files* (Emeryville, CA: Seal Press, 2006).
- Valocchi S., "Not yet queer enough: The lessons of queer theory for the sociology of gender and sexuality", *Gender & Society*, 79(6) (2005), p.750-770.
- Vance C.S., "Social construction theory: Problems in the history of sexuality", in P.N. Nardi & B.E. Schneider, eds., *Social perspectives in lesbian and gay studies: A reader* (New York: Routledge, 1998), p.160-170.
- Weeks J., *Coming out: Homosexual politics in Britain from the 19th century to the present* (London: Quartet, 1977).
- Weeks J., "The "homosexual role" after 30 years: An appreciation of the work of Mary McIntosh", *Sexualities* 1(2) (1998), p.131-152.
- Weeks J., *Sexuality* (2nd ed.) (London: Routledge, 2003). (Original work published 1986)
- West C. & Zimmerman D.H., "Doing gender", *Gender and Society*, 1 (1987), p.125-151.
- Weston K., *Families we choose: Lesbians, gays, kinship* (New York: Columbia University Press, 1991).
- Weston K., "Do clothes make the woman?: Gender, performance theory, and lesbian eroticism", *Genders*, 17 (1993), p.1-21.
- Whisman V., *Queer by choice* (New York: Routledge, 1996).
- Whitam F.L., "The homosexual role: A reconsideration", in P.M. Nardi & B.E. Schneider, eds., *Social perspectives in lesbian and gay studies: A reader* (London: Routledge, 1998), p.77-83.

1 С начала до конца этой главы мы используем слово «сексуальности» во множественном числе, чтобы отдать должное широкому спектру сексуальностей, которые практикуются, интерпретируются и принимаются в качестве идентичностей как в наше время, так и в ходе истории. Говоря «сексуальности», мы надеемся, что читатели начнут осознать: никогда не стоит исходить из того, что практики сексуальности статичны и, уж, тем более, что связанные с ними значения одинаковы в разных культурах или в разные эпохи. Также стоит учитывать, что эта глава не предлагает исчерпывающего обзора литературы по сексуальностям.

- 2 Как и в случае с любыми другими *area studies*, литература по сексуальностям разрослась в несколько направлений, многие из которых перекрываются друг с другом; например, социология гендера. Конечно, исследователю сексуальностей может быть нелишним ознакомиться с такими важными направлениями, как женская сексуальность (Brumberg, 1993; Holland, Ramazanoglu & Thomson, 1996/2002), маскулинность и сексуальность (Bordo, 1998; Connell, 1987, 2005), сексуальность и воспроизводство (Loe, 2004; Tiefer, 2004), материнство и отцовство, и так далее. Хотя все эти исследования очень важны для изучения сексуальностей, они выходят за рамки данного раздела. И последнее: мы хотим отметить тот факт, что значительная часть работ, рассматриваемых здесь, как это формулирует Грин (Green, 2002), “вполне вписываются в рубрику ‘лесбийские и гей-исследования’”, однако, как и Грин (Green, 2002, р. 542), мы не используем этот термин, потому что он “исключает недавние важные работы, ставящие под вопрос гетеросексуальность”.
- 3 Как развитие конструкционистских социологических теорий сексуальностей и радикальных феминистских теорий, так и исторические события 1980-х, особенно появление ВИЧ/СПИД, стали важными политическими и практическими факторами в появлении квир-теории и так называемого лингвистического поворота. Изначально это заболевание окрестили «болезнью геев», поскольку многие мужчины-геи умирали таинственным образом, но учёные и работники здравоохранения быстро осознали необходимость поменять отношение общества к болезни путём изменения дискурса о ней (это пример первой отличительной особенности квир-теории, которую мы рассмотрим ниже – разворачивание дискурса в качестве власти; см., например, Stimp, 1993). Угроза жизни в связи с проблемой ВИЧ/СПИДа повысила приоритет исследований секса и способствовала более критическому восприятию учёными позитивистских методов и фиксированных сексуальных онтологий, что отчасти и могло привести к так называемому лингвистическому повороту.
- 4 Дороти Смит (Smith, 1987) предлагает подобное понятие, вводя термины «отношения господства» и «раздвоенное сознание», хотя сама больше полагается на марксистский структурный анализ. Стоит отметить, что её работа не оказала значительного влияния за пределами социологии, возможно, в силу того, что не была связана с основательным рассмотрением сексуальностей, как это было в случае Фуко.
- 5 Разумеется, все табу устанавливаются в рамках конкретных исторических и культурных контекстов, поэтому они отличаются между разными обществами и в разные эпохи.
- 6 Обратите внимание: Батлер описывает, как социальные перформансы создают иллюзию бинарных оппозиций, что согласуется с идеями Седжвик.
- 7 Высока вероятность и того, что политические события исторической эпохи также окажут огромное воздействие на потенциал для академического изучения. Как и в случае с описанным нами ранее влиянием возникновения СПИД на развитие квир-теории (см. Прим.2), политика эры гражданских прав и особенно появление

движения за права геев не могли не оказать воздействия на конструкционистские теории сексуальностей (или же развивались в тесном взаимодействии с ними). Не случайно эти теории начали появляться на рубеже 1960-1970-х годов.

- 8 Авторы хотели бы поблагодарить Ким Эмери, Университет Флориды, за эту догадку.
- 9 Хотя в своё время эта идея казалась слишком фантастической (учитывая, что эта книга была написана почти за десять лет до появления первого так называемого «ребёнка из пробирки»), в двадцать первом веке техническая возможность для воплощения в жизнь её призыва выглядит всё менее невероятной.
- 10 Хотя мы кратко описали тут одно из направлений, конструкционистские исследования сексуальностей в рамках социальных движений уделяют внимание и процессам фреймирования и усложняют их, конструируя проблемы движения (см., например, Broad, Crawley, & Foley, 2004; Jenness, 1995; Jenness & Broad, 1994).
- 11 Естественно, что основным вкладом «чёрной» феминистской теории выступает утверждение, что если мы говорим о «женщинах» как единообразной группе, то, по сути, игнорируем расовые и этнические отличия, как и отличия на основании класса и сексуальности (Combahee River Collective, 1981/2005; Hill Collins, 1991; Moraga & Anzaldua, 1981). Наша позиция здесь сводится к полной поддержке «междисциплинарных» перспектив, для чего нужно задать себе вопрос – как мы можем обсуждать идентичность более чётко, конкретно, предметно, не исключая никого.
- 12 Не случайно символический интеракционизм и этнометодология позволяют нам рассмотреть такие частности пересекающихся опытов, не сводя их к некоей изначальной сущности (Valocchi, 2005).
- 13 В чрезвычайном случае, как, например, в случае Майкла Кантараса, Ж-М транс-сексуал может не восприниматься как «настоящий мужчина», если известен его пол при рождении. В случае Кантараса суд Флориды вынес решение, что тот не может быть опекуном ребёнка, которого он ранее усыновил – не на основании его родительских навыков, а потому что он не мужчина, а значит, ему вообще не должны были разрешать усыновить ребёнка (по законам штата Флорида, однополые партнёры не могут усыновлять или удочерять детей). Так что, по сути, закон штата Флорида рассматривает господина Кантараса как женщину (http://www.nclrights.org/site/PageServer?pagename=issue_caseDocket_kantaraskantaras) (Это были двое детей от первого брака его жены, которых он официально усыновил, но при разводе его бывшая жена потребовала аннулировать усыновление на основании того, что раньше, до брака с ней, Майкл был женщиной. По результатам нескольких судебных слушаний в разных инстанциях Майкл был официально признан мужчиной по закону и в полном объёме восстановил свои родительские права. – *Примечание переводчика.*) хотя его опыт как белого, транссексуального мужчины однозначно отличается от опыта, скажем, кубинской гетеросексуальной бабушки, и тот, и другая сталкиваются с проявлениями того, что значит быть женщиной в современном социальном контексте в США.